

С. А. Комаров, О. К. Лагунова
**ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖИВОТНОГО В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ
 НАРОДОВ АЗИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА
 (Е. АЙПИН, Ч. АЙТМАТОВ, А. НЕРКАГИ)**

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2)6

В статье системно представлен подход русскоязычных прозаиков — представителей народов Азии (киргизы, ненцы, ханты) — к изображению животного в процессе художественного моделирования мира. Типологию изображения авторы объясняют традиционным статусом животного в языческой картине мира. Укрупнение и развертывание неантропологического сюжетного ряда являются культурным стандартом текстов «языческих» мастеров слова и их отличительными особенностями как в рамках опыта советской цивилизации, так и за ее пределами. Это характерно для повествовательных произведений различной жанровой природы (рассказ, повесть, роман). Типичным является обозначение автором особой связи животного с героем-избранником, а часто и само животное наделяется статусом избранного.

Ключевые слова: русскоязычная проза, образ животного в литературе, персонаж, избранность, природный мир, образ человека в литературе

Укрупнение и развертывание неантропологического сюжетного ряда являются культурным стандартом в текстах «языческих» писателей и их отличительными особенностями как в рамках опыта советской цивилизации, так и за ее пределами. Через набор образцовых репутаций одного-двух представителей от каждого народа внутри советской цивилизации формировался пантеон наиболее авторитетных мастеров слова. Для языческих народов это были Ч. Айтматов, Ю. Рытхэу, В. Санги. Литературы коренных народов Азии (киргизская, ненецкая, хантыйская и ряд других), относящиеся к традиционалистскому типу или переходному от синкретического к традиционалистскому, в своей аксиологии, поэтике и риторике опираются на миф и фольклор. Слово в них становится голосом общих готовых смыслов и сил, которые вечны, неустранимы, проступают в бытии и через бытие, а потому всегда находят достойного выразителя себя. Этот избранник, хотя и выглядит в кругозоре земной жизни часто как жертва, но сущностно является вечным, как само Слово, которое он представляет

в земной жизни. Это Слово одновременно становится его поступком и действием, т. е. его Судьбой. Как избранник, он не может уклониться от данной Судьбы. Он здесь выступает и как автор, и как герой: он осуществляет предзаданное ему свыше, выполняет миссию.

Избранность в произведениях Е. Айпина, Ч. Айтматова, А. Неркаги имеет отношение не только к людям, но и к животным. Речь идет прежде всего о таких образах, как пара волков в «Плахе» Ч. Айтматова и образ верблюда в его же романе «И дольше века длится день», волк и олень в повести А. Неркаги «Анико из рода Ного» и образ собаки в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Во всех этих произведениях подчеркивается необыкновенная судьба животных, их способность чувствовать, думать, понимать. Цель данной статьи — системно представить единый подход русскоязычных прозаиков ряда народов Азии к изображению животных в процессе художественного моделирования мира.

Роман Ч. Айтматова «Плаха» начинается с описания жизни волчицы Акбары и волка Ташчайнара. Отдельные факты биографии волчицы сконцентрированы в ее воспоминаниях. Подробно описано появление «чужаков» в этих местах, несложившиеся отношения с местными волками («слишком независимый характер имела... Акбара, чтобы примыкать к чужим и пребывать в подчинении»¹),

*Комаров Сергей Анатольевич — д.филол.н., профессор кафедры русской литературы Тюменского государственного университета (г. Тюмень)
 E-mail: vitmark14@yandex.ru*

*Лагунова Ольга Константиновна — д.филол.н., профессор кафедры русской литературы Тюменского государственного университета (г. Тюмень)
 E-mail: vitmark14@yandex.ru*

¹ Айтматов Ч. Т. Плаха. Алма-Ата, 1988. С. 7. Далее роман цитируется по данному изданию с указанием страницы в тексте.

трепетные отношения волка и волчицы друг к другу, начало их совместного пути, ощущения и переживания Акбары, ожидающей появления потомства. В этой паре волчица «была головой, была умом», она принимала решения, а «он был верной силой, надежной, неутомимой, неукоснительно исполняющей ее волю» (с. 6). Только избранных диких животных нарекают именами. Акбара означает «Великая», и в этом имени был «знак providения»; Ташчайнар — что означает?

Даже внешне, подчеркивается в начале повествования, волк и волчица отличались от местных «собратьев»: у них были «отвороты меха на шее, плотно обрамляющие плечи наподобие пышной серебристо-серой мантии от подгрудка до холки... и ростом... превышали обычных волков Прииссыкульского нагорья. А если бы кто-нибудь увидел Акбару вблизи, его бы поразили ее прозрачно-синие глаза — редчайший, а возможно, единственный в своем роде случай» (с. 7). Не раз потом в тексте и повествователь, и герои будут отмечать эту последнюю деталь. Акбара — волчица с норовом, но живущая по законам природного мира. Она «отличалась большой понятливостью и тонкостью восприятия» (с. 81). Она не раз вспоминала «до слез и тяжелых стонов» «утраченный мир» — «великую охотничью жизнь», где самой природой каждому была отведена своя роль. И пока не появились здесь люди, «ничего не нарушало сложившейся жизни великой азиатской степи» (с. 12). Сама природа «внушала» ей «мечты» об охоте, о настоящей погоне за добычей. Это были мечты, «ниспосланные ей свыше», которые позднее ей будут сниться, будут вспоминаться «до боли в сердце», за которые впоследствии придется заплатить слишком высокую цену.

В финале романа описано состояние волчицы-матери, заплатившей эту цену. Всесильная волчья пара металась по когда-то своему пространству, веря и не веря в то, что детенышей рядом нет, что везде опасность — люди. Здесь уместно напомнить, что в рассказе Е. Айпина «Медвежье горе» мать-медведица, потеряв своих медвежат, не смогла смириться с горем и, взобравшись на высокое дерево, бросилась оттуда на землю. Медвежата погибли случайно, в судьбу же волчат вмешался человек. Живущая по законам природы Акбара нарушает эти законы. Волки начинают жестоко мстить виновникам своих несчастий: «не унималось горе волчицы <...> не могла никак смириться»

(с. 268). Когда Акбара потеряла и волка, жизнь как бы остановилась. Она «теперь жила в воспоминаниях о прошлом <...> целыми днями вспоминала радостные и горестные дни <...> Снова и снова вставали перед взором картины минувшей жизни, день за днем прожитой с Ташчайнаром <...> снова вспоминала своих детенышей» (с. 275). Волчица часто вспоминала странного человека (Авдия), с которым встретила дважды. Он — единственный из людей — не угрожал: сначала испугался, а во вторую встречу (она это хорошо запомнила) «что-то тихо прошептал ей и умолк» (с. 275).

Особость Акбары подтверждает и то, что в момент погони за ней, уносящей сына Бостона, человек пытается ее убедить в необходимости отпустить мальчика. Он кричит ей: «Оставь, Акбара! <...> Никогда больше не трону твоего рода <...> Послушай меня, Акбара» (с. 281). Бостон понимал страдания волков, потерявших детенышей. И когда ему пришлось пристрелить Ташчайнара, он не полюбился на шкуру волка, похоронил его. В ситуации погони и человек, и волчица обезумели каждый от своего горя и от надежды что-то исправить. Надежды обоих не оправдались: погибла Акбара, погиб и маленький сын Бостона. Их гибель — цена за беспредел одного человека. Авдий, Бостон и Акбара — представители человеческого и природного миров, не только понимающие смысл «должного бытия», но и руководствующиеся в своих деяниях этим смыслом. Сходя с «должного» пути, люди теряют рассудок и совершают поступки, в результате которых «сходит с ума» и природа. Никто из избранных в «Плахе» (ни люди, ни звери) не нашел справедливости в мире. Авдий и волки погибают; Бостон же, нечаянно убивая своего сына, переступает черту, за которой «исход его жизни»: «его мир, неповторимый, невозобновимый, утрачен и не возродится ни в ком и ни в чем. Это и была его катастрофа, это и был конец его света...» (с. 284). В конце романа Бостон обращается к коню, акцентируя, что только тот понимает, что натворил человек. К коню обращено прощальное слово человека.

Повесть ненецкого писателя А. Неркаги «Анико из рода Ного» также начинается с описания прежней и настоящей жизни волка, за «хитрый ум и черные дела» нареченного людьми Хромым Дьяволом. Когда-то у него было все — логово, четыре детеныша,

волчица, стая. В одно мгновение все рухнуло, рухнуло из-за людей, поставивших капкан, в который он и угодил. Пришли одиночество, тоска, ненависть к двуногим. Хромой Дьявол, как и Акбара, имел представление о справедливости, утраченное людьми, вторгшимися в жизнь азиатской степи, но сохраненное жителями стойбища. Волк «давно усвоил жестокий, несправедливый закон: зверь на двух лапах всегда убивает зверя на четырех. Тут свой мир, свои законы и счеты. Хромой Дьявол знает это».² Но люди не тронули волка, напавшего на женщину с маленьким ребенком. Зная, кто их лишил жизни, Себеруй, потерявший близких, на предложение Пассы расправиться с Хромым Дьяволом отвечает: «Не надо. Это он сделал по своим законам <...> Не делай этого» (с. 326).

Годы прибавили волку «ум и ловкость», но обострили чувство одиночества. Подступающая старость сулила бессилие, отчаяние. Вой упустившего добычу волка напоминал плач, как и вой Акбары и ее верного друга, потерявших волчат, в то время как крик и плач жены Бостона напоминали вой волчицы.

Хромой Дьявол — думающий, многое понимающий волк. В завершающей стадии боя с собакой Буро старый волк подумал о смерти. Он «любил жизнь, кровь, любил рассветы и темные ночи... своих волчат, логово. И даже теперь он, слабый, больной и несчастный, не хотел умирать» (с. 372). Хромой Дьявол, как и Акбара, в этой схватке с Буро понял: все ушло (сила, ловкость, нюх), остались только злость и ненависть к людям. Одиночество толкнуло обоих персонажей к краже: Акбара крадет человеческое дитя, Хромой Дьявол — волчонка. Каждый мечтает о том, как принесет детеныша в свое логово, отдаст ему неизрасходованную материнскую и отцовскую нежность, вырастит из него настоящего сына-наследника. Каждый рискует своей жизнью, но, несмотря ни на что, не отказывается от затеянного предприятия. Для каждого из них это не месть «собратьям» или людям, не безумие, а обдуманный отчаянный поступок, на который их толкает страдание.

Когда Хромой Дьявол наблюдал за семейной жизнью другого волка, страдания его усиливались: он «чувствовал, как тоска, густая, точно кровь молодой оленихи, одолевает

его, заставляет выть в белые ночи, — вспомнилось, что и он когда-то лежал у норы, а по нему ползали живые теплые комочки, за каждый из которых он перегрыз бы глотки целой стаи» (с. 383). Боль и тоска снова и снова гнали старого волка туда, откуда можно было наблюдать за чужим счастьем. Взаимоинтерес в первую встречу волка и волчонка (родители малышей отлучились) перерос в умильную нежность незнакомого волка к детенышу: малыш побарахтался на крупных теплых вытянутых передних лапах незнакомца, несколько раз доверительно лизнул его в нос и, наконец, на этих же лапах заснул. Хромой Дьявол хорошо запомнил этого волчонка. Когда одиночество становилось для него невыносимым, он, закрывая глаза, видел его. Решившись на кражу, он дождался, когда из логова выползет именно «его» волчонок. В отличие от Акбары, Хромому Дьяволу удалось воплотить свою мечту: он вырастил сына. Он торопился передать ему все — места, где охотился, где «был оскорблен», ненависть к людям, которая еще «заставляла жить». В финале повести Неркаги происходит очередная схватка Буро, бросившегося бесстрашно защищать хозяина, и двух волков. Буро и Хромой Дьявол погибают. Молодой волк, расквитавшись за отца с обидчиками, с «высоко поднятой головой» покинул место схватки. Волк, как бы сомневаясь в чем-то, направлялся то к священной нарте, на которой лежало тело Буро, то к поганой нарте, на которой лежало тело Хромого Дьявола. Наблюдавший эту удивительную сцену Алешка посочувствовал зверю, который, вероятно, остался одиноким и не знал, как жить дальше. Человеку показалось, что волк посмотрел на него. «Он не мог видеть волчьего взгляда, но чувствовал... он мог поспорить, что видел этот взгляд. В нем было что-то человеческое <...> шел он шагом не осторожно-грустным, а спокойным» (с. 403). В отличие от Акбары Хромому Дьяволу на исходе жизни судьба подарила радость неодинокости, заботу, нежность и защиту сына-наследника, выросшего смелым, гордым, достойным.

Финалы и романа «Плаха», и повести «Анико из рода Ного» закольцовывают текст, возвращая читателя к исходной точке повествования — к историям представителей природного мира. Начало истории Акбары и ее волка сопряжено с ожиданием неизбежной катастрофы, которой она и завершается. История Хромого Дьявола, позволяющая предположить

² Неркаги А. П. Молчаливый: повести. Тюмень, 1996. С. 308. Далее повесть цитируется по данному изданию с указанием страницы в тексте.

нагнетание трагического в его судьбе, несмотря на печальный исход, все-таки была просветлена на последнем этапе семейным счастьем зверя.

У каждого из представителей природного мира есть своя история, включающая экскурс в его прошлое. В романе хантыйского писателя Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» у Пойтэка, которому слабеющая Матерь Детей поручила дыхание последнего ребенка, была хорошая родословная. Дед Детей погиб в разгар войны между белыми и красными, похоронили Деда на родовом кладбище. Его собака перестала есть и беспрестанно выла, ее отвязали и отпустили. Она убежала на кладбище, легла обочь верхней домовины — надгробья хозяина — и там околела. Вот из этой породы и был Пойтэк.

Обские угры отводят собаке роль посредника между Домом и Лесом, поскольку она считается бывшим человеком. В мифологии обских угров распространен образ человека-собаки.³ Как и медведь, собака, — существо божественного происхождения. У северных народов есть убеждение, что собака понимает человеческую речь.⁴ Потому и герои Айпина и Неркаги разговаривают с собаками: Себеруй — с Буро, Матерь Детей — с Пойтэком. Матерь Детей вспоминает его историю. Он родился в зимние холода. Все щенки из помета замерзли, все, кроме него. Он словно был сохранен для того, чтобы впоследствии сберечь человеческого ребенка. Когда-то его спасла Матерь Детей, вопреки обычаям взяв щенка в дом. Две матери, человеческая и собачья, обсудив ситуацию с новорожденным малышом, которого, как и других, не пощадили бы морозы, сошлись на том, что щенка нужно спасти. Спасение сына собаки представилось Матери Детей каким-то чудом: «Чудеса, да и только <...> Чудеса! Кто направил неразумного щенка к человеческому жилищу?! Кто оторвал его от теплого материнского бока?! <...> Так и осталось это загадкой для Матери Детей».⁵

Не раз автор сравнивает щенка с ребенком: первые имена щенка были Сыночек Соснэ, Собаки Дитя, Парнишка. Поскольку он был абсолютно белым, его в конце концов назвали

Пойтэк, т. е. «куропатка». Птица в мифологии хантов — дарительница жизни. В финале романа Пойтэк, как бы ведомый божественной силой, понимая всю возложенную на него ответственность, возвращает долг Матери Детей. Экскурс в прошлое собаки должен убедить читателя, что решение женщины — не шаг отчаяния: вручить жизнь своего ребенка она могла только тому, в ком была уверена. «Один он не уйдет, не бросит хозяев <...> Матерь, поразмыслив, села посреди дороги, притянула к себе волокушу с ребенком, потом позвала старика Пойтэка. Пойтэк подошел и, словно почувствовав всю значимость и важность возлагаемого на него поручения, взмахнул хвостом и радостно сказал: — Ав-вав!» (с. 221).

Вера женщины в собаку была столь велика, что позволила ей увидеть картину, где Пойтэк добрался до людей и где он «знал», что «должен вернуться к хозяйке, туда, где оставил ее» (с. 244). И пес вернулся к Матери Детей, вернулся, чтобы и ей помочь добраться до людей, у которых оставил ее сыночка. Пойтэк — не просто собака, верно служащая своим хозяевам, а собака-человек, усвоившая многие премудрости жизни. Поэтому, когда Матерь Детей увидела наконец над собой его «белое лицо», она произнесла: «Ты хороший старик! Хороший человек! <...> Она знала: Пойтэк понимает все. Точнее, чувствует все» (с. 252, 253). Именно поведение собаки придавало силы женщине. Если бы исход предполагался трагический, то пес вел бы себя иначе: он бы лег около хозяйки и лежал рядом, пока не околел, как его предок. Но он двигался вперед, помогая Матери Детей и направляя ее к жизни.

В романах Е. Айпина и Ч. Айтматова человек не может найти понимание у другого человека — так далеки они друг от друга. Представители же природного мира, даже доведенные до безудержного желания мстить и мстить человеку, не убивают. Так, Акбаре, впервые встретившей человека (Авдия) в дурманных травах, ничего не стоило вмиг покончить с ним. Но что-то остановило ее, вероятно то, что от него не исходила агрессия: «Уже на бегу Акбара почему-то переменяла свое намерение. Она перескочила через человека — голое и незащитного, — которого можно было поразить одним ударом..., перескочила, развернулась и снова перескочила во второй раз уже в другом направлении» (с. 15). Акбаре, ненавидевшей людей, лишивших ее детенышей,

³ См.: Головин А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 269, 270.

⁴ См.: Мифология хантов // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 3. Томск, 2000. С. 82.

⁵ Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург, 2002. С. 210. Далее роман цитируется по данному изданию с указанием страницы в тексте.

легко было расправиться с Авдием, распятым на саксауле, чтобы рассчитаться за все с человеческим родом: «Перед ней был человек, существо, страшней которого нет, виновник их волчьих бед, непримиримый враг. Акбара в ярости слегка подалась назад, чтобы взметнуться и броситься в рывке на человека, вонзить клыки в его горло. И в ту решающую секунду волчица вдруг узнала этого человека... Припомнилось ошеломленное выражение его испуганных глаз и то, как он, голокожий и беззащитный, кинулся прочь...». Обозленная на людей, она про этого вдруг подумала как про «заединчика»: «Этот человек ничем не мог ей помочь, конец его был уже близок, но тепло жизни еще сохранялось в нем» (с. 191).

Авдий, как Матерь Детей, пытается говорить с сочувствующей ему Акбарой. Человек и зверь, занимая пространственные позиции один против другого, не противостоят друг другу: «Человек с трудом открыл веки и тихо прошептал поскуливавшей волчице: — Ты пришла...» (с. 191). И даже когда Акбару в очередной раз лишили потомства, когда ее тоска и ненависть, сливаясь в надрывающем душу вое, заполняли собою небесное и земное пространство, взявший верх природный инстинкт материнства не позволил ей навредить человеческому детенышу: «Она кротко смотрела на малыша, дружелюбно помахивая хвостом... ей открылось, что это детеныш, такой же, как любой из ее волчат. <...> Она подошла к нему, лизнула его в щеку. Малыш... обнял волчицу за шею. И тогда Акбара совсем разомлела, легла у его ног, стала играть с ним... Акбара вылизывала детеныша. <...> Волчица изливала на него накопившуюся в ней нежность, вдыхала в себя его детский запах. <...> Осторожно, чтобы не поранить шейку, волчица ухватила малыша за ворот курточки» (с. 280). Она, чье материнство неоднократно обрывалось по вине людей, хотела унести в свое пустое логово человеческое дитя, чтобы окружить его не растраченной материнской нежностью и любовью. В ней, в волчице, маленький мальчик пробудил жажду поделиться своим теплом с существом из другого мира. У человека же, обнаружившего в логове ее детенышей, возникла только одна мысль — украсть, продать, получить деньги.

Необыкновенной была и судьба оленя Тэмуйко в повести А. Неркаги «Анико из рода Ного». Его мать погибла, он спасся чудом. Но одинокого малыша, плачущего о матери,

никто из важенок не принял, и «непризнанный сын» стада был обречен на гибель. Жена Себеруя Некочи, пожалев олененка, пыталась приучить его к человеческой пище, но тот отказался. И второй раз совершилось чудо: «... женщина опустилась рядом с ним, сбросила ягушку, расстегнула ворот платья. Закрывает ладонью глаза олененку. Тот даже не пошевелился. Когда Некочи поднесла ему грудь, он вздрогнул, затем, помочив слюной сосок, втянул в себя молоко» (с. 326). Это был день второго его рождения. С тех пор олень воспринимал женщину как мать-хозяйку. Когда Некочи погибла, любимый ее олень, как принято у ненцев, должен был быть принесен в жертву. Вопреки обычаю в последнюю минуту Тэмуйко в третий раз была подарена жизнь.

Тэмуйко, вскормленный женщиной, был особым оленем во всех отношениях. Он не принял лакомство от Анико, учуяв чужой запах. Он хорошо знал дорогу на кладбище, часто ходил туда один, подолгу стоял у могилы матери. Символична в повести сцена встречи оленя и девушки, пришедших на кладбище. Оба были вскормлены одной женщиной, но один постоянно находился рядом, был благодарен за жизнь, ему дарованную, другая же — далеко, и привела ее сюда лишь телеграмма отца, в которой сообщалось о смерти матери. Именно эта встреча заронила в душу девушки сомнение в правильности своих поступков, пробудила чувство стыда. Олень демонстрировал человеку суть «должного» бытия: «Он пришел сюда не зря, не забрел случайно... <...> ...олень “сознательно” пришел к матери... От встречи с оленем оставалась в душе тяжесть и вместе с тем какое-то светлое чувство. <...> Тэмуйко не смотрел на нее. Он стоял, низко опустив красивую голову. Анико вдруг показалось, что олень плачет. <...> Ему, должно быть, очень тяжело. Она подождала, когда Тэмуйко поднимет голову, но тот не шевелился» (с. 357).

Особость верблюда Каранара в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» подчеркивается уже в начале повествования. Его родословная восходит к сарозекской легенде о Найман-Ане. На поиски своего сына-манкурта она отправилась на верблюдице Акмае, которая стояла целого стада: «От белой верблюдицы Акмаи осталось много потомства. Самки в ее роду рождались в нее, белоголовые верблюдицы были известны кругом, а самцы, напротив, рождались черными и могучими,

как нынешний Буранный Каранар».⁶ Едигей охотно верил Казангапу, который доказывал, что Буранный Каранар «не из простых, а началом от самой Акмаи, знаменитой белой верблюдицы, оставшейся в сарозеках после гибели Найман-Аны» (с. 297). История красивого и могучего верблюда, что неоднократно подчеркивается, — это отдельный сюжет в романе. Поясняется происхождение его имени: Каранар значит 'Черный нар'. Стать и масть прославили верблюда: «...черная патлатая голова с черной, росшей до загривка мощной бородой, шея понизу вся в черных космах, свисающих до колен густой дикой гривой — главное украшение самца, — пара упругих горбов, возвышающихся как черные башни, на спине. И в завершение всего черный кончик куцевого хвоста. А все остальное — верх шеи, грудь, бока, ноги, живот, — наоборот, было светлое, светло-каштановой масти. Тем и пригож был Буранный Каранар, тем и славен» (с. 199).

Более двадцати лет назад относительно времени, о котором повествуется в романе, маленького пушистого верблюжонка подарил Едигею Казангап. Сохранить и вырастить его оказалось не так просто — описанию этого процесса посвящены отдельные фрагменты текста. Верблюд, олень — неперенные спутники людей, живущих в пустыне, тундре, тайге. Эти животные — не только средство передвижения человека, его пища, одежда, кров, но и обязательная составляющая духовной сферы его бытия. Чтобы сохранить, вырастить животное, нужна не только физическая сила, но и любовь, забота, ласка и нежность. Не случайно Едигей «в минуты благодушия», обнимая верблюжонка, говорил: «Мы с тобой вроде как молочные братья. Ты вон как подросток на молочке Белоголовой, а я от контузийной немощи избавился, кажется. <...> Разница лишь в том, что ты сосал вымя, а я выдаивал да шубат делал» (с. 243). Напомним, что в повести Неркаги «Анико из рода Ного» женщина спасла олененка, вскормив его своей грудью. В романе же Айтматова верблюдица своим молоком спасла человека. На севере и в пустыне связь человека и животного особенная. Жизнь и смерть кочевника тесно связаны с оленем или верблюдом. Так, любимый олень умершего приносился в жертву во время похорон; верблюда тоже приносили в жертву: подрезали ему сухожилия и оставляли

умирать на могиле. И верблюд, и олень связаны, в представлениях кочевых народов, с небесным и земным пространствами.

Верблюд, как и мировое дерево, яйцо, конь и пр., для отдельных народов является моделью мира. Верблюд — «совершенный кочевник», «совершенная емкость», «абсолютный мужик», «нетороплив, мудр», надменен, горделив, самоуверен, своенравен, свободолюбив. Верблюд уверен, что знает все истинное, и это знание как бы возвышает его над всем и всеми. Его корпус «высоко вознесен» над землю, «и в этом к ней тоже презрение отделенности <...> в нем силуэт птицы... облик орла... <...> Приближен к небу, как и кочевник верховой, и сам корпус его горбатый выпукл, как небосвод: Аллах в нем обитает. Как купол неба на столбах, возвышается верблюд на презренной ровности земли пустынной: как ее украшение, значимость и содержание, единственно достойное...»⁷

Верблюд в романе Айтматова — свидетель, участник происходящих в жизни людей событий. Подробно описано, как обряжал Едигей Каранара, на котором собирался провожать в последний путь Казангапа. Его вид отражал отношение окружающих к усопшему, должен был придать соответствующую печальному событию особую торжественность. Стараниями Едигея Каранар «выглядел внушительно и величественно», украшенный старинной попоной с кистями, мастерски сооруженным седлом: «...пусть полюбуются молодые... пусть поймут: похороны достойно прожившего человека не обуза, не помеха, а великое, пусть и горестное, событие и тому должны быть свои подобающие почести» (с. 200).

Каранар был славен на все сарозеки. Именно к нему приезжали фотокорреспонденты, ему устроили фотосессию, и он во всей своей мощи и стати украсил впоследствии обложку учебника по верблюдоводству. Сцены с Каранаром, по мнению Г. Д. Гачева, способствуют вторжению в «палитру романа» юмора — «нечастого гостя» в произведениях Айтматова: «трагически-серьезный сюжет похорон и тяжелые раздумья Едигея стали бы невыносимо-монотонны, коли не имели бы художественного противовеса в Каранаре-фальстафе. Необходим такой животный персонаж для народа-кочевника».⁸ Исследователь отмечает, что Каранар одновременно парадоксален и

⁶ Айтматов Ч. Т. Роман, повести. Л., 1982. С. 297. Далее роман «И дольше века длится день» цитируется по данному изданию с указанием страницы в тексте.

⁷ Гачев Г. Д. Космо — Психо — Логос. М., 2007. С. 384.

⁸ Он же. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе, 1989. С. 394.

священ. Гон у него зимой, вокруг стужа, а в нем огонь. «Независим он от наружных условий существования и даже вызывающе противостоящим: некую Безусловность собой являет и осуществляет Абсолют, равенство себе, самоопорность в Бытии, что и подобает — Личности!»⁹

Постоянное возвращение к родословной Каранара актуализирует мысль о том, что он как бы скрепляет прошлое и настоящее, бытовое и бытийное. «Подвиги» разгулявшегося Каранара, как «сводки с фронта», передавались от одного человека к другому. Никто не мог с ним сладить, никого он не боялся, в чужих стадах вел себя как «изверг». От его дел земля ходуном ходила, крик разносился по всей степи. Все верблюды в сравнении с Каранаром проигрывали: «...не та езда, не та скорость... У того дыхание куда мощнее, и размах шага — не сравнить» (с. 389). Каранар — родом из легенды, и сам стал легендой. Он такой же, как и знающий это предание человек, носитель памяти о древних временах: «От белоголовой матки черный верблюд. Это первый признак его происхождения от Акмаи, и с тех пор, кто его знает, сколько лет прошло, двести, триста, пятьсот или больше, но в сарозеках род Акмаи не переводится. И нет-нет да появится такой верблюд-сыртган (сверхсущество — *О. Л.*), как Буранный Каранар» (с. 246).

Понимание некой сверхсущности Каранара порождало у хозяина особое отношение к нему. Несмотря на безудержность нрава и буйства верблюда, Едигей отказался от мысли кастрировать его, оставил атаном, хотя «были моменты — умывался кровавыми слезами...» (с. 247). Не стал он прокалывать ноздри для шиши: «обезобразивать такого красавца... рука не поднималась» (с. 319). В пору зрелости Каранар достиг небывалого «могущества», его неистовость порой пугала: «Такой зверь в одном стаде не успокоится. Он пойдет по всем сарозекам биться. И никакого удержу ему не будет» (с. 319).

В романе, с одной стороны, неоднократно подчеркивается особая родословная Каранара, обуславливающая его статус «сверхсущества», а с другой — отмечается, что он выполнял обычную для любого верблюда работу. Он не раз спасал, выручал хозяина, он и подвел Едигея. Хозяин гордился своим верблюдом, но в минуты отчаяния мог обругать его последними словами, избить и прогнать, отпуская на все четыре стороны. Когда был найден виновный в

отъезде Зарины, а им оказался Каранар, Едигей в отчаянии, забыв о сверхсущности верблюда, расправился с ним, как с «подлой скотиной»: «Яростно, беспощадно хлестал он Буранного Каранара, нанося удар за ударом, хрипя, изрыгая ругательства и проклятья. <...> Каранар кричал, рвался, метался под ударами бича и, обезумев от страха и боли, сбил хозяина с ног и побежал прочь. <...> Едигей догонял его, стегал бичом, выпроваживал, отрекаясь, проклиная и матеря на чем свет стоит» (с. 406, 407). Едигей проклинал отобравшего у него смысл жизни Каранара, выкрикивая вслед убегающему верблюду пожелания быть пристреленным в степи. Но когда через неделю Каранар вернулся, обессиленный, изможденный, грязный, напоминающий «опорожненный мешок», Едигей сжалился над «грустным» и «жалким» верблюдом. Каранар стал невольным участником развязки отношений мужчины и женщины: по сути, именно он спровоцировал отъезд Зарины, опосредованно побудив хозяина «перебрать» и «осилить» себя. Его бегство и чинимые на чужой земле безобразия разрушили мечты Едигея, но вернули жизнь его семьи в прежнее русло, не дали диалогу человека с собственной совестью перейти в противоречащие «должному» бытию поступки. По мнению Г. Д. Гачева, в верблюде, «в его складе, — и идея, и заглавие романа прозрачнее: “И дольше века длится день” — сравним с описанием гона и дней страсти Верблюда. “Но ведь для этого он и жил целый год и набирался силы изо дня в день” <...> то есть: год = день, как там век = день».¹⁰ Человек на Верблуде отправляется в Путь длиной не в день, движение героя по Земле сопряжено с движением от Земли, в пространстве Вселенной. И то и другое движение — Путь к Пониманию и себя, и Истины. «Важно самому их внять — родить из опыта, пережить — и свои слова найти. Это и свершается с Едигеем, ситуацией Смерти, похорон, призванного слова найти к осмыслению всего — и себя. <...> Понимание = припоминание». «Понимание — это по-имение: вхождение человека в имение свое, в соведании с Бытием. Но для того человеку надо развиваться в Личность в Свободе — через опыты и страдания и претерпения за нее: чтоб взять на себя ответственность за Истину, не препоручая это более умным и ученым, “кому положено” знать...»¹¹

⁹ Там же. С. 397.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 402, 403.

На долю представителей природного мира, как и на долю людей-избранников, выпадает немало испытаний, которые они стремятся достойно преодолеть, что часто сопряжено с противостоянием не столько своим собратям, сколько «двуногим», превращающим их упорядоченную жизнь в хаос.

Мифологическая картина мира, организуемая как движение от хаоса к космосу, требует от автора особого инструментария. Феномен избранничества выступает в этой художественной культуре структурирующим текст эле-

ментом. Средства поэтики здесь системно подчиняются ценностному риторическому заданию — убедить читателя и «подсоединить» его к авторской логике выговаривания высшей нравственной правды как правды общенародной. Знание этой правды и право выговаривания ее обеспечиваются автору его посвященностью в Слово и дарованностью ему Слова Всевышним. Поэтому феномен посвященности в литературах данного типа имеет отношение не только к объектно-субъектной структуре текста, но и к авторскому мировидению.

Sergey A. Komarov

Doctor of Philological Science, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: vitmark14@yandex.ru

Olga K. Lagunova

Doctor of Philological Science, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: vitmark14@yandex.ru

REPRESENTATION OF ANIMALS IN THE RUSSIAN LANGUAGE PROSE
OF THE PEOPLES OF ASIA IN THE LAST THIRD OF THE 20th CENTURY
(E. AIPIN, CH. AITMATOV, A. NERKAGI)

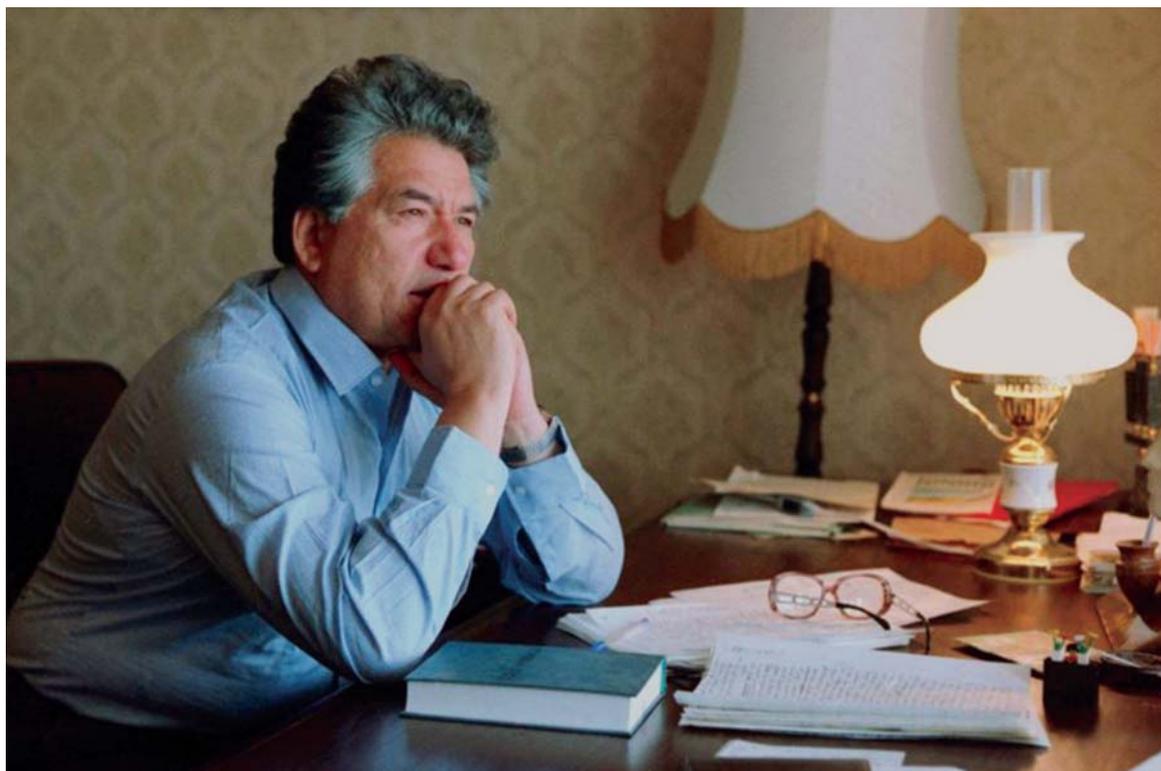
The article provides a systemic description of the Asian (the Kirghiz, the Nenets, the Khanty) authors' writing in the Russian language approach towards the representation of animals in the process of artistic modeling of the world. The authors explained the typology of representations by the traditional status of animals in the non-Christian world views. Upscaling and expansion of the non-anthropological narrative was a cultural standard of the texts by "heathen" authors and their distinguishing traits both within and outside the Soviet civilizational experience. This was characteristic for all types of fiction genres (novelette, short story, novel). A common feature was an indication by the author of a special relation between an animal and the chosen hero, and quite often the animal itself was given a status of the elect.

Key words: *Russian-language prose, image of the animal in literature, character, exclusivity, the natural world, the image of man in literature*

REFERENCES

- Aypin Ye. D. *Bozhyia Mater v krovavykh snegakh* [Mother of God in the bloody snow]. Ekaterinburg: ID "Pakrus" Publ., 2002, 304 p. (in. Russ).
- Aytmatov Ch. T. *Plakha* [Scaffold]. Alma-Ata: Zhazushy Publ., 1988, 288 p. (in. Russ).
- Aytmatov Ch. T. *Roman, povesti* [Roman, works of fiction]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1982, 480 p. (in. Russ).
- Gachev G. D. *Chingiz Aytmatov (v svete mirovoy kultury)* [Chingiz Aitmatov (in the light of world culture)]. Frunze: Adabiyat Publ., 1989, 488 p. (in. Russ).
- Gachev G. D. *Kosmo — Psikho — Logos* [Cosmo — Psycho — Logos]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2007, 511 p. (in. Russ).
- Golovnev A. V. *Govoryashchie kultury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking cultures: Samoyed Ugrian traditions]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995, 607 p. (in. Russ).
- Mifologiya khantov* [Khanty Mythology]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta Publ., 2000, Vol. 3, 310 p. (in. Russ).
- Nerkagi A. P. *Molchashchiiy: povesti* [Tongue-tied: works of fiction]. Tyumen: SoftDizayn Publ., 1996, 416 p. (in. Russ).

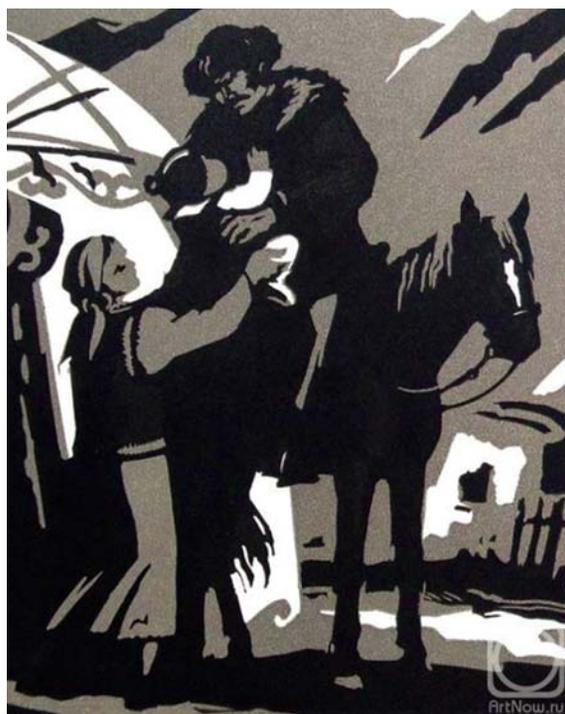
К статье С. А. Комарова, О. К. Лагуновой

Чингиз Айтматов (12 декабря 1928 г. — 10 июня 2008 г.)

Мюзикл-притча «Плаха» по мотивам романа Ч. Т. Айтматова
(автор А. Кулыгина, либретто Л. Яковлева)

Анатолий Жлабович. Иллюстрации к повести Ч. Т. Айтматова «Плаха». 1991 г.